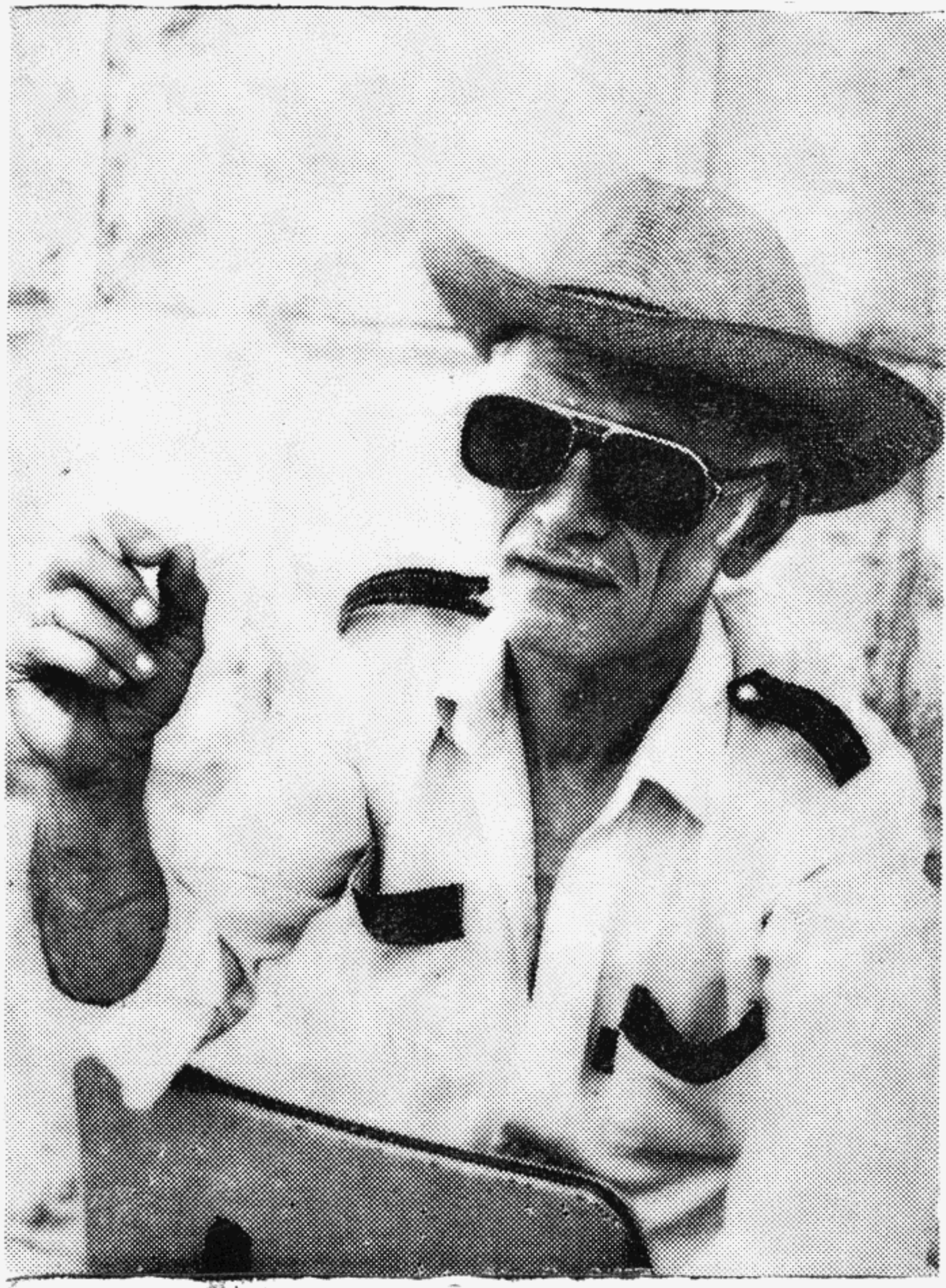

Владимир Хашба

МЫСЛИ ВСЛУХ

Мои стишки - моё хобби.
Они, как и музыка, меня ус-
покаивают. В.Хашба

Х А Ш Б А
Владимир Александрович

ВЛАДИМИР ХАШБА

МЫСЛИ ВСЛУХ

Изд-во «Алашара»
Сухум, 1997.

Широким кругам общественности Абхазии он известен, как выдающийся спортсмен, с которым связано становление национальной школы баскетбола и других видов спорта, который посвятил всю свою жизнь служению Родине, воспитанию молодых, девичьих поколений.

Гораздо меньший круг знает, что Владимир Александрович Хашба «грешит», и причем нередко, литературным творчеством, которым занимается еще со школьной скамьи.

Однако, несмотря на присущую ему скромность, сотворенные им стихи, рассказы, нередко появляются в местной и республиканской прессе и привлекают интерес читателя своей искренностью и патриотической направленностью.

На мой взгляд, в его лице мы имеем человека творческого склада ума, человека неординарного, талантливого, широкого спектра возможностей.

В этом, мне кажется, убеждает сборник стихов Владимира Александровича Хашба, который автор все же решился издать.

Испытывая искреннюю радость и поздравляя его со столь важным событием, каковым является выход в свет его книги, желаю автору дальнейших успехов в его многогранной жизни.

Владимир КЕЦБА,
член Союза журналистов РА.

КАРЬЕРИСТУ

Когда я вижу карьериста
С пустым «изящным» котелком,
Во мне желанье в морду свистнуть
Иль стать последним дураком,
Чтобы не зреть такого парадокса,
Когда дурак тобою правит.

Ему бы преподать уроки бокса
Или в степи пахать заставить.

6 марта 1973 г.
г. Сухуми

«ЗНАТОКИ»

Сидят в «Прохладе» «знатоки»
Футбола всех времен.
Доказывают всем они,
Как каждый в нем умен.

Здесь итальянцы, греки, русы,
Грузин, армяне, белорусы
Свои команды превозносят
И мысль в былое их уносит.

Изящно преподносят Вам
Свои познания в футболе,
Кто не видал футбола сам
И не играл в него тем боле.

Однако чтут сильнейшим в мире
Без спор, профессора футбола
Пеле — бразильского кумира,
Художника любого гола.

Но, как коснется всех других,
Особо наших футболистов,
Уверьтесь Вы в словах моих
Найдете подлинных артистов.

Один помешан на Стрельдове,
А Гриню «Арарат» убьет,
Здесь мат и ругань в каждом слове.
С утра «солидный» спор идет.

А для Джугули — Хурцилава,
Напоминающий бизона,
Стремительный огонь и лава,
И лучший футболист сезона.

А Гофман, зная всех слабинку,
В огонь подбросит им дровинку.
Опять в разгаре шум и спор,
Какая резвость и задор!

С заходом солнца «знатоки»,
Не трогавшие мяч ногой,
Своим желаньям вопреки
Идут уставшие домой...

...И вновь в «Прохладе» «знатоки»
С утра «солидный» спор ведут...
В один прекрасный день они
Кого-нибудь с ума сведут.

10 марта 1973 г.
г. Сухуми

БАРАН СРЕДЬ ЗАЙЦЕВ

Мальца-баранчика друзья
Отдали в детский дом.
Когда подрос он в барана,
Послали получать диплом.

Вернувшись в местные края,
Он заячий диплом привез.
И приняли его друзья,
Растрогавшись до слез.

Баран хитрил, баран всем льстил,
Удав барана полюбил
И, опираясь на диплом,
Назначил заячьим вожаком.

Не зная заячьи повадки,
К лесной спартакиаде он
Готовил зайцев без оглядки
И выглядел как Апполон.

Баран мудрил, баран визжал.
Но всю программу проиграл.
И столь баран набороздил,
Что чуть в тюрьму не угодил.

Один из зайцев побежал
Ко льву и долго ублажал.
И вновь оставлен был баран
Нарушив весь лесной коран.

В одной компании за зайца
Он поднял тост, и клялся он,
Чтоб оторвали ему яйца,
Коль он забудет, как должен.

Тот заяц был всегда такой,
Который в дружбе был прямой
И без оглядки шел на бой,
Хоть был тогда он молодой.

Когда играть закончил сам,
Зайчих готовить начал он,
Победы брал он тут и там,
Правительством был награжден.

Любил острить он и курить,
Любил частенько подшутить,
Любил зайчих, любил вино:
Все, что природою дано.

Любил работу и кутеж,
Любил он страшно молодежь,
Гостей встречал всем сердцем он.
Баран был этим обозлен.

Пытался даже дважды он
Убрать из леса храбреца.
Хоть пыжился он, как баран,
Похожим был на подлеца.

Когда удав его спросил:
«За что ж он зайца не взлюбил?»
Баран молчал, баран хитрил.
Баран язык свой проглотил.

Средь зайцев слух прошел в лесу:
«Не место с нами подлецу,
Баран, имеющий диплом,
Остаться должен бараном».

Мораль: Коль хочешь быть ты человеком,
И никому это не новость,
С утра проснувшись в мире этом,
Буди же ты и свою совесть.

4 апреля 1978 г.
г. Сухуми

НО ЕСЛИ Б ВНОВЬ ПРИШЛОСЬ НАЧАТЬ

Сорок один сегодня мне
Исполнился... Не по себе
Мне стало вдруг... Я не заметил,
Как пролетели годы эти.
С утра лежал и вспоминал,
Как мир я этот познавал...

Мальчишкой был я сорванцом:
Старался стать я храбрецом,
В прыжках был первый, в дружбе тоже,
И в разных драках молодежи.

С высоких мест на риск и спор
Я прыгал. Лазил сквозь забор
В соседний сад. Ни один вор
Туда решиться влезть не мог,
Такой уж там гулял бульдог.

Друзей любил и защищал,
Врагов штакеткой угощал.
Бил часто я, бывал и бит.
Когда был бит — грыз меня стыд.

...Однажды я пришел домой
С лицом побитым, с синевой
Под правым глазом. И отцу
Все стало ясно по лицу

В словах всегда он краток был,
Он просто, по-мужски спросил:
— Ты прав был в споре?
— Папа, да!
— Ответ ты дал?
— Уж, как всегда.
— Тогда садись, сын, ешь и пей,
А подлецов смелее бей.

В том возрасте всегда пытался
Быть первым я. Стрелять старался

Точнее сверстников своих,
С мячом футбольным за двонх
Носился я. Когда ж в село
Приеду я, свое седло
Быстрей накину на коня,
Давно влюбленного в меня,
Взмахну ему на спину я.
Вначале на дыбы себя
Поднимет он, затем рванется,
Со мной в единое сольется
И пулей мы несемся с ним.
Ведь, нет преграды молодым!
Полны мы оба своим счастьем.
Мой мир прекрасен был. Несчастья
Не представлял я и не знал,
Лишь об одном тогда мечтал,
Как можно раньше взрослым стать,
Чтоб всему миру доказать,
Что стал уже мужчиной я!
О, как я жить спешил, друзья!

Став старше, сам не ожидал,
Вдруг в баскетбол играть я стал.
Тогда в восьмом я классе был
И так вид этот полюбил,
Что обо всем и всех забыл!

Хоть хорошо учился я,
Могу заверить в том, друзья,
Окончил вуза даже два,
Казалось, варит голова.
Жизнь, прожитую всю свою,
Хоть страстно я семью люблю,
Сполна баскету я отдал.

Я гордо, смело защищал
Абхазов честь и честь Москвы
На первенстве своей страны.

...Но, время шло... Когда закат
Игры моей стал наступать,

Набрался смелости создать,
Вложить свой труд и воспитать
Плеяду, лучше, чем свою...

Сейчас я им все отдаю.
И вот уж восемнадцать лет,
Хоть становлюсь я стар и сед.
Учу, воспитываю тех,
Кто баскетбол прекрасней всех
Считает видом. За таких
Девчат прекрасных и родных
Готов до капли свою кровь
Отдать я каждой вновь и вновь.

...Сегодня, вспоминая все,
Я не жалею ничего:
Что жизнь не так уж и мила,
И то, что мигом вся прошла,
И что в короткий этот миг
Я малого чего достиг.

Но если б вновь пришлось начать,
Начал бы также и опять.

17 июня 1973 г.
г. Москва

* * *

Один знакомый педагог
Учеников учил, как мог.
Он, выбиваясь весь из сил,
Ученикам твердил: «Не пей!»

...Последний раз сам трезвый был
В утробе матери своей...

13 ноября 1973 г.
г. Сухуми

* * *

Однажды сильный, модный кот
От стариков вдруг узнает,
Что мать-старуха в их года
Большой красавицей была.

«Это ж логично, мой сынок,
Разве красавцем быть ты мог,
Если б твоя родная мать
Была бы сыну не под стать».

14 ноября 1973 г.
г. Сухуми

ЛЮБВЕОБИЛЬНАЯ НАТУРА

Дочь как-то вновь спросила мать,
С постели не успевши встать:
«Устала колебаться дольше,
Какой же брак счастливей больше:
Тот, где расчет или любовь?»

Мать ей в ответ: «Дочурка вновь
Вопрос мне глупый задает,
Она меня с ума сведет!
Ведь знает даже идиот,
Что счастье принесет расчет.

Вот мой пример — тебе ответ:
Уж восемь раз за сорок лет
Замужней по любви была.
И что ж любовь мне принесла?»

20 июля 1973 г.

С ГОДАМИ СКАЖУТ — ВИДЕЛ СОН

Вот вновь мы встретились с тобой,
Как ты красива, боже мой!

Стройна, как лань. Млада, светла,
Чиста, как первая слеза.

При этой встрече робко, мило
Ты голову слегка склонила
И, как узор, прямой пробор
Волны волос разъединил,

В два полных колоса их свил,
И две красавицы-косы
Легко и ласково легли
На спелые соски груди.

Крылья бровей во всю раскрылись,
В тени их с поволокой очи,
Темнее самой южной ночи,
Загадкой тайною светились.

Чтоб тайну их никто не знал,
Веер ресниц их прикрывал.
Бутоны ж губ чуть приоткрылись,
Румянцем яблока налились.

Как-будто миру говорили,
Что видимо, все позабыли,
Как долго встречи ждут они,
Как жаждут пламени любви,

Что ждут, когда проявят смелость
Сорвать их сладостную зрелость.
Да, ты красива! Слова нет!
Но мне не пара. Я уж сед.

Теперь гляжу ведь на тебя
Лишь взглядом живописца я.

Созрело время и другой,
Такой же сильный, молодой
Горячим пламенем любви
Сорвет все ягоды твои.

...Одно лишь жаль... Твоя краса
Исчезнет также, как роса
С восходом солнца исчезает.
Ведь время всех нас выжигает.

Пройдут года, и если б мне
Пришлось об этой красоте
Рассказ вести, я убежден,
С улыбкой молвили б, что сон
Хороший ночью видел я.
Так жизнь построена, дитя!

27 ноября 1973 г.

г. Сухуми

МУЖСКАЯ КРАСОТА

(Басня)

Козленок как-то мать спросил:
«В соседнем стаде, правда, мил,
Красив и строен их вожак?
Хотел бы выглядеть я так!»

Мать головою покачала
И, улыбнувшись, отвечала:
«Нет, мой сынок. Самый красивый,
Мудрейший, храбрый, добрый, милый
Вождь стада нашего с тобой.

На первый взгляд своей красой
Не блещет он. Но, лично ты
Не в том его красу ищи.
Красив мужчина должен быть
Своим нутром и поведением.
О красоте его судить
Тогда ты сможешь без сомненья.

Разве мужчина в краткий срок
Полстада потерять бы мог?

А тот вожак их потерял.
Он с трусости не раз бежал
При нападении волков,
Оставив стадо. Лучших слов,
Чем брань и ругань он не знает,
Лаской, теплом не согревает,
Слащавой внешностью своей
Прельстить он может лишь детей.

Взгляни на наше стадо ты.
Все мы здоровы и сильны.
Тому причина наш вожак.
Он нас выращивает так:
Коль в стаде кто-то захворает,
Он сам все травы добывает.

За свою жизнь несметно раз
В неравных битвах нас он спас
От волчьих стай. И если б ты
Хоть раз его со стороны
Увидеть мог в мгновенья эти,
Как он красив, как храбр, как сети
Волкам он ставит, как умен,
Как гибок, ловок, строен он,
Сказал бы твердо ты тогда:
«Вот, та мужская красота,
Которой краше не бывает,
Та, что всех женщин превращает
В таких же чистых, как сам он,
Любящих, преданейших жен!»

Теперь ты будешь знать всегда,
Что есть — мужская красота».

29 января 1974 г.
г. Сухуми

БЫВАЕТ ГРУСТНО

Старею я... проходят годы...
И вновь спортивные заботы,

Плеяда новая растет...
И вряд ли кто-нибудь поймет,
Сколько труда, любви и сердца,
Сколько огня, забот и перца
Ты отдаешь им вновь и вновь
И зарождаешь в них любовь
К спортивным схваткам, к баскетболу,
К подругам, тренеру и дому.

...Пройдут года... И слава к ним
Придет подарком золотым.
Их будут знать в родном краю
За храбрость, мужество в бою,
За все спортивные победы!
Затем родные самоцветы
Покинут родину... И вновь
Мне зарождать в других любовь
К спортивным схваткам, к баскетболу,
К подругам, тренеру и дому...

10 декабря 1979 г.

г. Сухуми

СХОДСТВО

За прожитое мною время
Я многих женщин повидал
И, изучив все это племя,
Я в заключение б сказал:

Все женщины своеобразны
И не похожи друг на друга,
Краса она, иль безобразна,
Любовница или супруга.

Но все они в одном роднятся,
Могу поклясться своей честью,
Они, как кошки, к тем ластятся,
Кто мягче гладит их по шерсти.

И то, что если ей сведется
Возможность встретиться с другим,
Конечно, с лучшим, чем с своим,
В ней вновь волна любви забьется,
И, чтоб ту жажду утолить,
Она найдет путь согрешить.

И если скажет вдруг она,
Что «будет век ему верна!»
Большой осел он лишь за то,
Что даже выслушал ее!

4 августа 1980 г.
г. Сухуми

ЛЮБОВЬ И РАССУДОК

Не думая и не гадая
Однажды встретил он ее.
Его глава тогда седая
И жизнь, помявшая его,
Свободно сами говорили,
Что в жизни много видел он.
Ее ж глаза теплом светились
И говорили в унисон,
Что всей душой она созрела
Дать счастье полное ему.
Что жизнь его не пролетела
И падать духом не к чему.
В ней клокотала жажда жизни,
Жажда познания всего,
Жажда любви, казалось брызнет
Горячей кровью из нее.
И потянулась эта младость,
Не признавая ничего,
Познать с седым всю эту сладость,
Любить ко всем чертям назло.

...Но, в те отдельные минуты,
Когда вдруг наступал отлив,

Испут охватывал секунды
Их лица, в миг тот уловив
Всю разницу в годах меж ними,
Ведь, в дважды с таким старше он!!!
И возрастной барьер пред ними
Вдруг поднимался, как закон.
В минуты те в глазах темнело,
Терял он почву под собой,
Она ж задумчиво сидела
С опустошенной душой.
И оба трезво понимали,
Что очень трудно будет им,
Но, всем назло они старались
Не изменять мечтам своим.
А что проказница-судьба
Намного позже родила
Ее, чем появился он,
Плует она, чихает он.

...А я, всем мудрецам назло,
Хочу, чтоб им в том повезло!
И чтоб проказница-судьба
Вторично их не подвела....

А впрочем, что же тут гадать?
Мы очень скоро будем знать,
Кто одолеет в схватке этой:
Трезвость ума наложит «Вето»,
Или, по-сказочному, вновь
Восторжествует вдруг любовь.

5 августа 1980 г.
г. Сухуми

О, ЖЕНЩИНА

Еще в далекие века
Красавиц часто покупали
Деньгами, златом, и всегда
Мужчины цели достигали.

Для тех веков понятным было
Такое покоренье их.
Об остальном они б забыли,
Побольше б денег золотых.

Побольше б денег, безделушек,
Повыше б ростом был мужик,
Брильянтик, связка погремушек
И он ее любви достиг.

И он красив, и он сердечен,
И плюнет даже в душу он,
Проступок будет на замечен,
За деньги будет восхвален.

...Прошли века. Все обтесались
В век космоса, в век молодых.
Собаки в людях разобрались
И служат тем, кто любит их.

Конь сбрасывает седока,
Когда тот груб, нечеловечен,
Слон чувствует издалика,
Кто добр к нему, к нему сердечен.

Дельфин летит, свистит навстречу,
Чтоб оказать тебе добро.
Он больше всех нас человечен
И не способен он на зло.

Он разумом достиг высот,
Но хитрость век ему чужда,
Не хочет знать он звона злот,
В душе одна лишь доброта!

А женщине, клянусь сердечно,
Во все века, уверен в том,
Что будет нравиться ей вечно
Мужчина с толстым кошельком.

12 августа 1980 г.
г. Сухуми

* * *

Во все эпохи и века
Власть в человеке поедала
Все лучшее. И, как всегда,
Затем на подлое толкала.

23 июля 1980 г.
г. Сххуми

* * *

Есть категория людей,
Кто жить не может без обмана.
Он так красив во лжи речей,
Что сам в них верит постоянно.

1 августа 1980 г.
г. Сухуми

КТО ОН?

Лисенок с детства был хитер,
Не раз зверям он нос утер,
Любого мог он обхитрить,
Начальству в такт умел он льстить,
Приспособленцем был умелым,
В любое время лгал он смело.

Коль правил волк — он волком был
И в ту пору по-волчьи выл...
Коль правил тигр, сменивший волка,
С пеной у рта и без умолку
Он всем твердил, что его дед
(В том заверял его сосед)
Был тигр, а значит, что и он
Есть тигр, а не какой-то слон.

Когда же тигра вдруг сменили
И править зайца посадили,

Он с тигра в зайца превратился
И на зайчихе вмиг женился.

Когда ж однажды вдруг в лесу
Хозяйкой выбрали лису,
Наш лис вновь попытался было
Лисою стать... Но, поздно было.
В лесном том государстве звери
Все перестали ему верить...

К стыду, и люди иногда
В свои различные года
От смен течений, обстановки
Меняются, вдруг, по-дешевке:
Он то грузин, позже он лаз,
Затем мегрел, и вдруг — абхаз!

21 августа 1980 г.
г. Сухуми

СОВЕТ

Хоть и не нов наш белый свет
И что я думаю, не ново,
Я б женщинам мог дать совет:
Верить поступкам, а не слову.

И если парень очень часто
Вам изливается в любви,
Вы верите ему напрасно
Его любовь лишь до зари.

Кто любит, тот не красноречен,
Поступками докажет он,
Он впрямь в любви чистосердечен,
Или, как все, лжет в унисон.

5 сентября 1980 г.
г. Сухум

ВНОВЬ В РАБСТВЕ

Во все далекие века
Наш первобытный человек
Не рвал у ближнего куска
И роду предан был свой век.

...Текли века, словно туман...
Бог человеку разум дал,
Чтоб им он подлость и обман
Повсюду побеждал.

В то время не было цены
Намусу, совести и чести.
Считалось, люди рождены
Ее оберегать всем вместе.

Богат был обладатель их,
Бессмертным был ее хранитель,
Красавцем был для всех живых,
Крепка была его обитель.

Он в жизни мог всего лишиться
И дальше жить со всеми вместе,
Со смертью ближнего смириться,
Но жить никак не мог без чести.

И вот настал двадцатый век.
Век космоса! И что ж мы видим?
Чем ценится наш человек?
Внимательно в него взгляните.

Сейчас продажей своей чести,
Продажей совести и лестью
Люди богатства копят рьяно.
В их мыслях деньги постоянно.

А если ты умен и честен
И совести не продаешь,
С намусом, с честью, врозь и вместе,
Ты дурачком вмиг сослывешь.

А тот, кто больше преуспел
Пренебрегать намусом, честью,
Тот в основном всегда у дел
И окружен любовью, лестью.

Его считают умным, ценным,
К нему ластятся, лебезят
И он слывет натурой цельной,
Раз деньги в кошельке звенят.

И зачастую вот такой:
Надменный, жирный и большой,
Тупоголовым признает
Того, кто честь не продает.

А вывод прост. Однажды рабство
Народы скинули во век.
В двадцатом веке ж у богатства
Вновь в рабстве стал тот человек.

А честь и совесть вдруг исчезли,
Намус из моды вышла вон.
В их место деньги нагло влезли,
Установив там свой закон.

1 сентября 1980 г.
г. Сухуми

И ЕСЛИ Б МОГ КРЫЛОВ ПРОСНУТЬСЯ

Я каждый день на белый свет
С утра смотрю. И что ж я вижу?
Все рыщут в поисках монет,
Все носятся и что-то ищут.

И как не вертится земля,
Все ищут длинного рубля.
И люди, чтоб его добыть
Бросаются в любую прыть.

Идут на подлость, на обман,
В чужой, как в свой, лезут карман.
Хитрят, лукавят, лебезят
В надежде, что вдруг обхитрят

Иль государство, или друга,
Иль друга «милую» супругу,
Или дельца, или министра.
Смекалка действует их быстро.

Куда до них лисе несчастной.
Здесь хитрость, подлость ежечасно,
И если б мог Крылов проснуться
И в жизнь людскую окунуться,

Не смог он подобрать бы зверя
Кем человека он примерил.
Ведь в белом свете нет хитрей,
Подлей, грязней самих людей.

10 ноября 1980 г.

ЗА ТЕХ ЕГО Я ПОДНИМАЮ

Я тосты всякие знавал —
Один блистательней другого,
Те, что растрогали б любого
И вдоволь сам их поднимал.

Но жизнь моя день изо дня
Любить заставила меня
Один очень несложный тост.
Он, как и правда, очень прост.

За тех его я поднимаю,
Кто, когда с ними нету нас,
Нам в жизни доброго желают!
И пусть икнется им сейчас!

9 декабря 1980 г.

г. Гудаута

ТОГДА Б СКАЗАЛ

Вот если б раз меня спросили,
Что б в жизни я иметь хотел:
Богатство, внешность, ум светилы,
Иль шар земной чтоб облетел?

Иль славу, или что другое,
Иль громкий подвиг, иль успех,
Иль в деле дело золотое,
Иль в жизни быть сильнее всех?

Я б им ответил, что желал бы
Большой любви. Любви такой,
Чтоб жар любви во мне пылал бы
Сметая все. И той порой,
Когда я видел ее рядом.
Иль вспоминал вдруг про нее,
В виски кровь била б, как снарядом,
В глазах темнело. А ее
Прикосновение бросало б
В такую дрожь всего меня,
Что почва подо мной дрожала б,
Дышал, как кратер от огня.

И каждой своей клеткой малой
Я ощущал бы, что она
Одним огнем с тобой пылает
И тем же чувством зажжена.

Тогда б сказал, что в жизни этой
Я все имел, не даром жил.
За жизнь свою когда-то, где-то
Я был богат и счастлив был!

28 января 1981 г.

О ТОМ ПОДУМАТЬ БЫ И ЕЙ...

Я видел женщин разных рангов
Красавиц множества мастей.

По-своему своеобразных
И всех с изюминкой своей.

Красивых, ярких, томных, гордых,
Тупых и умных, милых, черствых,
Любящих яростно и нежно...
И всякий раз я безмятежно

Их созерцал. И в миг потом
Я забывал их в основном.
При встречах с ними лишь на миг
Зажгусь. А там остыл и сник.

Когда ж я думаю об этой
Я сам того не замечая,
Вдруг становлюсь в душе поэтом
И чище быть себе желаю.

Хочу быть добрым и желанья
Ее предвидя исполнять,
Хочу проверки испытаньем,
Хочу я ростом выше стать.

Хочу такого же ответа:
Любви и ласки. А когда
Она вдруг вспомнит меня где-то,
В душе теплилось бы всегда.

И хоть не раз я с ней в постели
Провел полнейших счастьем дней,
Мне хочется всегда при ней
Быть лучше, чем на самом деле.

...Но будет жаль душе моей
Коль я те чувства растеряю...
О том подуматъ бы и ей
Было б не худо, уверяю!

3 февраля 1981 г.
г. Сухуми

ТОГДА СКАЖУ, ЧТО ДОБР ТОТ МАЛЫЙ

Частенько, говоря о парне
Мы говорим: «Он добр и мил.
Вчера истратил в ресторане
Он сотен три. За всех платил!»

Другой же, делая добро,
Ответа ждет на то он годы.
Желать он будет тебе зло
Взамен не сделай ты чего-то.

«Какой же щедрый третий малый!
Он шефу и его жене
То вдруг брильянт подарит алый,
То по дубленке им к зиме».

Простая трата денег левых
Не признак доброты людской.
Он тратит смело лишь за дело
И сам любит себя собой.

А я же думаю иначе:
Кто сердцем делает добро,
Во век не ждет ответа, сдачу.
Он счастлив тем, что повезло

Ему вдруг оказать услугу
Тому, кому она нужна:
Любому встречному иль другу,
Ведь щедрость только тем сильна!

Тогда скажу, что добр тот малый,
Сердце его щедро добром.
Его не сравнишь с захудалым
Добром, что ценится рублем.

16 мая 1981 г.
г. Сухуми

ИХ ОЦЕНИТЬ — ЦЕНЫ НЕ ЗНАЮ (Посвящаю матери)

За прожитые мною годы
Я много повидал на свете,
Я знал цену людским заботам
И тем, кто думает о детях.

Я ликовал, был полон счастьем,
Когда вдруг видел в дружбе сильных,
Когда в беде твои ненастья
Делит твой друг с тобой обильно.

Я знаю цену счастья в браке,
Я знаю чувства сына к предкам,
Ценю я локоть друга в драке
И тех, кто правдой колет метко.

Я видел братскую любовь
И их любовью восторгался,
И как больному свою кровь
Друг отдавал и улыбался.

Все это можно оценить,
Понять и повторить все можно.
Хоть приценять все это тошно,
К ним можно мерку применить.

Когда же я, седой мужик,
Вдруг матерей всех вспоминаю,
Я не пытаюсь даже миг
Их оценивать — цены не знаю.

И сколько б люди не мечтали
Как можно ярче их воспеть,
Всего сказать им не успеть,
Слова бедней самой детали.

Сказать достойно — безнадежно,
И оценивать их — невозможно.

Но грех нам, смертным, забывать,
Что воплощает в себе мать:

Мать — жизнь, мать — нежность, мать — отчизна,
Мать — почва, крепость, совесть сына,
Мать — чуткость, преданность, надежность,
Мать — сверх того, что невозможно.

Мать — все тебе, твоему счастью,
Себе возьмет одни ненастья,
Мать — лучший лекарь, утешенье,
Мать — новых сил вмиг возрождение.

Мать — подвиг, правда, человечность,
В сердце у матери мы вечно.
Мать — вся земная красота,
Земного счастья высота!

Любви всех наших матерей
Нет цен и мерок во вселенной.
Весь мир обязан перед ней
Всегда склонять свои колени!

2 октября 1981 г.
г. Сухуми

Я СЧАСТЛИВ
(к моему 50-летию)

Вот и полвека прожил я,
На миг похожие. Друзья,
Смотря на прожитые годы,
Где были радость и невзгоды,
Я задаю себе вопрос:
— Что доброго я в жизнь принес?
Что сделал я, чего достиг?
И был ли счастлив в краткий миг?

Ответ один: — Был счастлив я.

Я счастлив, что со мной друзья,
Я горд, что родина моя —
Абхазия! И то, что я —
Абхаз от пяток до волос,
Что и победы я принес
Родному краю и народу,
Преодолевши все невзгоды.

Я счастлив, что я сын отца,
Что не похож на подлеца.
Я горд за отчество свое,
Оно большое и мое!

Я горд, что матерью моей
Есть мать моя. И что друзей
Моих считает сыновьями.
Ее глаза полнятся счастья слезами,
Когда приходим в дом мы к ней.

Я счастлив, что имею дочь
Характером в меня точь-в-точь.
Я счастлив, что имею внучку,
Что есть, кого водить за ручку.

Я счастлив, что мой скромный труд
Я отдаю родному краю,
Что края лучшего не знаю.
Хоть и не все меня поймут.

Я счастлив, что друзья мои
Все рождены в моей Апсны.
Я счастлив, что всю жизнь свою
Люблю Абхазию мою.

Я счастлив, что мои друзья
Во всем такие же, как я.
Я счастлив, что сегодня вновь
Вижу друзей, родную кровь.

И по сему благодарю
Судьбу свою за жизнь мою.

За то, что с вами я живу
И по-мужски всех вас люблю!

17 июня 1982 г.

г. Сухуми,

ОТЕЦ, СПАСИБО.

(к 30-летию со дня смерти)

Отец! Прошло уж тридцать лет,
Как ты погиб и тебя нет.
За это время стал я сед,
Я стал отцом, я даже дед.

Ты мало жил, твоя глава
Закончилась, ведь, в сорок два.
Но, в прожитый тобою миг
Ты в жизни многого достиг:
Ты был отличник, был нарком,
Ты был для многих эталон.
Любил ты правду, честен был,
Безумно Родину любил.
Как чистокровнейший абхаз,
Ты гордым был, как весь Кавказ.
Любил коней и пистолеты,
Азиацки, голифе. И беды
Свои и родины твоей
Встречал ты по-мужски. Друзей
Своих любил, их не менял.
Сполна за правду ты страдал.
Фундамент кредо твоего
Намус, порядочность. Всего,
Что представлял ты, как мужик,
И как такого ты достиг
Не ведаю по сей я день,
В сравнении с тобой я — тень.

Когда-то строгостью твоей
Я тяготился. У друзей,

Считал, отцы были иными:
Простыми, добрыми, родными.
Ты ж с детства приучал меня
Метко стрелять, любить коня.
Ты мне внушал несметно раз
Мужчиной быть, что я — абхаз!
Пред старшим скромным быть и вечно
Быть хлебосольным и сердечным.
И чтобы Родине служил,
Чтоб добр и честен в жизни был,
И чтобы подвигом своим
Я радость приносил живым.
Но все же во главе всего
Ты ставил ~~зн~~анье. Ничего
Не представлял ты без учебы.
И чтоб не стал я твердолобым,
Всю жизнь учиться заставлял
И в строгости меня держал.

Отец, спасибо! Никогда
Мне не забыть того труда,
Что отдал мне ты. То, что я,
Ведь, представляю из себя
Тобою скроено было.
Оно бесследно не прошло:
После тебя за тридцать лет
Принес немало я побед
Народу нашему с тобою...

И вот с поникшей головою
Усталой, гордой и седой,
Я на коленях пред тобой...

г. Сухуми,
25 февраля 1983 г.

Я СМОГ БЫ ЖЕНЩИНОЙ НАЗВАТЬ

Кажись, смешно, нелепо мне
Судить о женской красоте...

Как появился этот свет
О ней твердят миллионы лет
И композитор, и поэт,
И юноша, и тот, кто сед.

Сегодня захотелось мне
Поговорить о женщине.

Когда б позволили сказать,
Я смог бы женщиной назвать
Все, что красиво, хрупко, нежно,
Все, что изящно, безмятежно.
Она — застенчива, стыдлива,
Она, как плачущая ива.

Женщина — радость, тишина.
Звон, трескотня — не женщина!
Женщина — осень и весна.
Лето, зима — не женщина!
Женщина — блюз, водная гладь,
То, что понятиям не подстать.

Женщина встретит у порога,
Не сможет взгляда бросить строго,
Усталость нежностью снимает
И мигом бодрость возвращает.

Ответить грубостью на грубость —
не женщина!
Пойти с другим, чтоб сделать глупость —
не женщина!
Не дать мужчине мыть посуду —
женщина!
Не верить в гибели супруга —
женщина!
Дрова рубить, руководить —
не женщина!
Любимой всеми в доме быть —
женщина!
Любить блаженно, безрассудно —
женщина!

Трезво, устроить жизнь уютно —
не женщина!
Ждать в доме мужа, сына, внука —
женщина!
Иметь любовника с супругом —
не женщина!
Если в мороз тебе тепло —
то женщина!
Коль в сердце чувство не прошло —
то женщина!
И слабый подвиг совершит —
для женщины!
На свете нет ^{нам} смысла жить —
без женщины!

17 июня 1983 г.

г. Сухуми

КАКИМ Я ДРУГА ПРЕДСТАВЛЯЮ (Ко дню рождения Яна Абас-оглы)

Повсюду часто стал я слышать
Слова: «Я друг его!» Невольно
За слово «друг» мне стало больно,
Его любой себе припишет.

Почти синонимы сегодня
Понятья «друг мой» и «товарищ»,
Хоть первых раз-два и обчелся,
Вторых за жизнь сколько угодно.

Прежде чем другом стать кого-то,
Пройдут года в земных заботах
Твой совместно с тем мужчиной,
Кого ты другом назовешь,
С кем все понятия едины,
С кем в паре встретишь правду, ложь,
Беду и счастье, и стойко
Всю тяжесть с ним ты пронесешь.

Но как ты друга отличаешь?
И сам его как понимаешь?

И что ты чувствуешь к нему,
К нему, как другу своему?

Коль друга оскорбляют недостойно,
Ты полыхаешь, сердцу больно,
И не должно то вызвать удивленье,
Ведь оскорбленный друг тебе же оскорбленье,
Как две пощечины по одному лицу,
И дать ответ ты должен подлецу.

Коль к другу проявляют уважение,
Ты горд и в сердце наслаждение,
Ведь то и уважение к тебе.
Коль счастлив друг в своей семье,
Ты ощутишь, поверь же мне,
То счастье в личном очаге.

Коль друга твоего удачу или промах
Не ощущаешь также остро ты,
С пути той дружбы ты сойди,
Не строй иллюзии, как олух.

Когда твой друг решение принимает,
Ты должен слепо в ногу с ним идти,
Ты ж сердцем твердо понимаешь,
Он также б сделал на твоём пути.

Коль друг ошибся, он не прав,
Не осуждать его ты должен,
Не проявлять ослиный нрав,
Ведь и ошибки ваши схожи.

Друг в твоей жизни — тень твоя:
В своих понятиях и мыслях
Едины вы, и он тебя
Всегда страхует в этой жизни.

Сто раз тот друг, кто тяжесть друга
С пути его предвидя уберет
Без всяких громких слов и шума
Так, что никто того и не поймет.

Когда твой друг вдруг умирает,
Ты ж не лопух, ведь знаешь ты,
Что ты частично погибаешь,
Что вскоре и тебе туда идти.

И по сему всегда старайся
Жизнь друга облегчить, продлить,
Поверь же мне, не упирайся,
Тебе же легче будет жить!

24 декабря 1983 г.
г. Сухуми

БЕЗ ВСЯКОЙ МУДРОСТИ ЛУКАВОЙ...

Гремели тосты все во славу:
Во славу близких и детей,
С восточной мудростью лукавой
Мы поднимали за друзей,
За милых женщин, давших счастья
Мгновенья каждому из нас,
За тех, кто в радость и ненастье
Вмиг вырастали возле вас,
За родину, за кровь родную,
За тех, кто нами дорожит,
За их любовь, любовь большую,
Что нам от них принадлежит.
Гремели тосты все во славу,
Расшитые богатой речью,
Восточной мудростью лукавой
По сердцу бьющих нас картечью...

А я же думал в те минуты
О самом мудром человеке,
Когда-то поднявшим в сосуде
В каком-то давнем, древнем веке
Впервые первым лучший тост свой
— За матерей всех! Впредь и вечно
Велел он пить чистосердечно
За матерей тосты лишь стоя!

...Гремели тосты все во славу...
Я ж не заметил, как я встал
Без всякой мудрости лукавой
И в его память тост поднял!

27 августа 1984 г.

г. Сухуми

ТЫ СЕЙ ДОБРО, СОГРЕЙ ТЕПЛОМ...

Да! Жизнь прекрасна!
Хоть мгновенье ты в ней живешь.
И жаль, что часто
Отчет себе не отдаешь,
Что время очень скоротечно,
Что жизнь твоя — это не вечность,
Сегодня — мальчик, через миг
Ты узнаешь, что ты — старик.
Прожив свой век в одно мгновенье,
Из этой жизни ты уйдешь,
Затем в сырой земле сгниешь
И будешь предан ты забвению.

Я часто и повсюду слышу:
«Он смел и не боится смерти!»
Лжецов всегда я ненавижу.
Потомки! Этим вы не верьте!
Смерти боится всяк живой:
И человек с рассудком здравым,
Боится смерти и герой,
И подвиги свершивший малый.
И посему пока живу
На этом райском божьем свете,
Я жизнь отчаянно люблю
Свою и всех, кто на планете.
Пока живу, пока дышу
В одном всегда уверен твердо:
Ты сей добро, согрей теплом,
Прими тепло не очень гордо!

Тогда ты многим жизнь продлишь
И добротой своей, уверен,
Ты жизнь свою же удлинишь
И жизнь твоя не будет серой!

5 августа 1985 г.

НА СМЕРТЬ ДРУГА (Посвящается Г. Г. Гоголю)

Когда твой друг мир покидает,
Уставший не от возраста. Нет! Нет!
Несправедливость проклиная,
Людские беды долгих лет,

Когда от скромности и знаний,
Большой, душевной чистоты,
Он не нашел себе признанья
И дожил до своей беды,

Когда от жадности к наживе
Жена не поняла тебя,
И в этом подлом, мерзком мире
Вмиг рухнула твоя семья,

Когда, живя на этом свете,
Авантюристы всех мастей,
Засевших в «модных» кабинетах,
Гордятся должностью своей,

И чтобы дольше продержаться,
Стригут познания твои.
Им выпало — всем наслаждаться,
Тебе — всегда быть лишь в тени,

Когда доклады те читали
И выдавали за свои,
Все в зале мигом понимали,
Что это — ты, мозги твои.

Тогда, интеллигент по складу
И скромности своей души,
Ты улыбался в заднем ряду,
Лукаво, смех тебя душил.

Когда ты видел — правят миром
Иль карьерист, или прохвост,
Извилил две и те пунктиром
На сытый, жирный, полный мозг,

Ты уставал, не звал, что делать,
И пьянкой полнил пустоту,
Обида глухо в сердце села,
Затмив земную красоту.

И рана в сердце столь глубока,
Что ни друзья, ни даже дети,
Ни внук, ни даже внуки локон
Не перекрыли смерти сети.

И ты ушел. Ушел из жизни,
Как новорожденный ребенок,
Без грязных мыслей, сладким, чистым,
Ребенком, только что с пеленок.

г. Сухуми,
16 ноября 1986 г.

УВЕРЕН Я, МОИ ДРУЗЬЯ! (Ко дню рождения З. Ц.)

Уверен я, мои друзья!
Любовь планету согревает,
Что без нее все угасает,
Что без нее прожить нельзя!

Когда всем нам под шестьдесят
И каждый день размером в месяц,
С грустинкой смотришь ты назад,
Но нет тревоги, нет и спеси.

Судьба друзей мне сохранила,
Ничто нас не разъединило,
По жизни вместе мы шагаем
И цену дружбе твердо знаем.

У нас, как в школьные года,
Остались клички навсегда:
Цуй, Уха, Пач, Мешок и Мика,
Валек, Мозоль, Елеса, Чипа.

А три усопшие у нас:
Наш Генчик, Жора и Минас
Всегда живы для нас живущих,
Любовь к ним нынче еще пуще.

Уверен я, мои друзья,
Что мы теперь нужней друг другу,
Хоть другом названа супруга,
Чихать на дружбу нам нельзя.

Уверен я, мои друзья!
Когда ты другу помогаешь,
Беду его опережаешь,
Оберегаешь ты себя.

Уверен я, мои друзья!
Что мы еще пошубутимся,
Помудрствуем и порезвимся,
Чтоб город вскрикнул «Так нельзя!»

Уверен был, уверен вновь,
Что бог нас всех оберегает,
Беду от нас отодвигает
За нашу дружбу и любовь!

11 августа 1991 года
г. Сухуми

СПАСИБО БОГУ И ЖЕНЕ!

(Ко дню рождения дочери)

Спасибо, богу и жене,
Что дали дочь такую мне,
Что нет в ней гнилости лукавой,
Что безразлична она к славе.

Она красива, хоть умна,
Она — мягка и женственна,
Она — домашняя жена,

И мать — отличная она.

Заботы женские у ней:

Кормить семью, встречать гостей.

Она чиста, чужда пороков,

Как прежде женщины Востока.

В любви к детям абхазы-предки,

Чтоб объяснялись — это редкость,

Но удержаться я не смог,

Простит меня, надеюсь, Бог!

11 июня 1992 г.

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ НА МОИХ ДРУЗЕЙ

На Бориса ПАЧАЛИЯ

Наш друг умен, во всем силен,

Кормилец наш в застольях он,

И по-абхазски наш абхаз

Сказать вам сможет пару фраз.

На Заура КАЧАРАВА

Он костоправ и костолом,

Свою карьеру начал он,

Большие знания приложив,

И Боре задницу зашив.

Сегодня, говорят друзья,

Бориса зад узнать нельзя:

Та часть, что прежде пострадала,
Намного красивее стала.

На Рафаэля АРШБА

Красавцем был, красавец есть,
И в лидеры хотел бы сесть,
Боксер был классный... От того
Не важно с речью у него.

На Яна АББАС-ОГЛЫ

Поддеть его ты не старайся,
Его острот оберегайся,
Его остроты в пару фраз
Вмиг опрокидывают вас.
Он в доме держит ворон-птицу
И хочет сам в том убедиться,
Наука врет или не врет,
Что ворон триста лет живет.

На Валю КАРПОВА

Всю жизнь на пляже загорал,
До темноты там пропадал,
И вдруг однажды там узнал,
Что подполковником он стал.

На Вову МИКАНБА

Высок росток, и чин высок,
И будто вовсе без порок,
Что он наш друг — сомненья нет,
Хоть в кабинетах стал он сед.
Чтоб помнил он, хотел бы я,
Что мы — пожизненно друзья,
И как бы не был занят, сам
Ходил бы к нам всем по домам.

На Заура ЦУЛАЯ

Он скромно за рояль садился
И там красавцем становился,

Мелодии любви сыграет
И мигом женщин покоряет.
Мой самый древний друг и брат!
Он в нашей жизни, как солдат.
Хоть вспыльчив часто... Но своих
Друзей не сменит на других.

17 июня 1992 г.

СПАСИБО ВАМ!

(Посвящается моим баскетболисткам)

Сегодня я, мои друзья,
Мои девчата-дочерья,
Благодарю, что вижу вас,
Что в жизни в каждый нужный час
Мы были рядом, И когда
К нам приближалась вдруг беда,
Еще сплоченней становились,
И вместе многого добились.
Я помню все, все — как сейчас:
В спортивных схватках сколько раз
Победу вырывали мы
Для нашей маленькой страны.
Не помню среди вас я труса
На играх бывшего Союза.
Вы радость людям доставляли,
Родимый край свой прославляли!
Спасибо вам! И знайте вы,
Красавицы моей Апсны,
Вы — лучшие из дочерей,
Герои Родины моей!

17 июня 1992 г.

СО МНОЙ АБХАЗИЯ МОЯ

(К моему 60-летию)

Друзья мои! За эти дни
Я вспомнил жизнь свою и близких,

И Родину. И поразмыслив,
Я сделал выводы свои:

Есть привилегия от бога
К народу нашему, друзья!
Хотя на свете нас немного,
Одно у нас отнять нельзя.

За доброту, гостеприимность
Такую землю дал нам бог,
Что всему миру стало видно,
Что это — райский уголок!

Да! Мы с годами все стареем,
Но божье милосердие к нам,
Что мы старея, не дряхлеем,
А лишь мудреем по годам.

И я был мальчик, без сомненья,
А нынче — старый человек,
Жизнь скоротечна и в мгновенье
Ты пролетаешь целый век.

Но в это краткое мгновенье,
Чтоб радость покрывала беды,
Пройдя и трудность, и терпенье,
На Родину я нес победы.

Сегодня праздник в моей жизни!
Со мной стоят мои друзья,
Седые, мудрые «мальчишки»,
Со мной Абхазия моя!

17 июня 1992 г.
г. Сухуми

ДАЙ СИЛЫ МНЕ

Всевышний наш! Дай силы мне
Вновь послужить моей земле,

Плеяду новую создать,
Победой край свой прославлять.
Уверен я, к нам мир придет,
И несмотря на катаклизмы,
Моя красавица-отчизна
Букетом алым расцветет.

И как в далекие года,
Здесь править будут навсегда
Гостеприимность и добро,
Намус и братское тепло!

Уверен я, что мой народ
Свободу сам приобретет!
..Всевышний наш! Дай силы мне,
Вновь послужить моей земле...

1 августа 1992 года
г. Сухуми

* * *

Повернись и взгляни, человек как смешон:
Он однажды на свет в этом мире рожден,
Для того, чтобы мучаться, жить и страдать,
И устав от всего, смерти собственной ждать.

15 октября 1993 года
г. Москва

* * *

Однажды он на свет родился. За жизнь
хитрил, копил, нажился.
Добром ни с кем он не делился. Казалось,
мало все ему.
Как помер — вмиг угомонился. Богатство
стало ни к чему.
Зачем он жил, чего добился?
Богу известно одному.

16 октября 1993 года

КРИК ДУШИ

ПУСКАЙ ЗЕМЛЯ ИМ БУДЕТ ПУХОМ!

Стою я в парке у могил
Героев Родины моей,
Стою безмолвно и без сил
У ног сынов и дочерей...

И в миг в мозгу вдруг пролетели
Все тягостные дни войны:
Как вероломно налетели
Враги на мирную Апсны,
Как враг дома с землей ровнял,
Как Тамшь и Лабру он сжигал,
И как блокадный наш Ткуарчал
Свою свободу добывал.

Как год пылала вся Эшера,
От бомб горела Гумиста,
А небо было вечно серым
От града взрывов и свинца.

Как нашей Родины ребята,
Без танков, пушек и снарядов,
С врагом в неравный бой вступали,
И первые трофеи брали.

В руках с охотничьей берданкой,
С кустов, как барсы, залетали
Они на спины вражьих танков,
И ломом люки пробивали.

А сколько со всего Кавказа,
Дралось за Родину абхазов!
Здесь братья наши по крови,
Здесь русские и казаки.

Девчата ж наши в дни войны,
Те, кто для дома рождены,
Спасая раненых ребят,
Лезли под пули и снаряд.

А сколько раз в разгаре боя
Вперед срывались вдруг они,
Взывая кличем братьев, стоя:

«В атаку, братья и сыны!»

И долгожданная победа

Пришла чрез этих сыновей!

А в парке с раннего рассвета

Поет им песню соловей...

И прошептал себе я глухо:

«Пускай земля им будет пухом!

О тех, кто духом были сильны,

Пусть Родина слагает гимны!»

Стою я в парке у могил

Героев Родины моей.

Стою безмолвно и без сил

У ног сынов и дочерей...

2 января 1994 года

г. Сухум

АБХАЗ — ЕСТЬ АЛАМЫС И ЧЕСТЫ

«Победа и конец войне!»

— Ликуют все в моей стране,

И даже те, кто жизнь отдал,

В земле, уверен, ликовал.

А в это время в унисон

«Гулял» наш третий эшелон:

Грабеж домов, грабеж страны,

Позорящие всю Апсны.

Не для того ведь воевали

И сотни жизнь свою отдали.
Ведь слову «аламыс» у нас
Синоним был, что «он — абхаз».

Уверен я, что наш народ
В стране порядок наведет,
Что никому мы не позволим
Отнять у нас этот синоним.
«Абхаз — есть аламыс и честь!»
— Так было вечно, так и есть,
Так будет в будущем всегда,
Не быть иному никогда!

27 января 1994 г.
г. Сухум

ВСЕВЫШНЕГО БЛАГОДАРЮ!

(К I послевоенному матчу)

Сегодня я, друзья мои,
Сыны и дочери Апсны,
Всевышнего благодарю,
За то, что с вами говорю,
За то, что вновь я вижу вас
По окончании войны.

Сегодня, братья и сыны,
Вам в радость в предстоящий час
Девчата Родины моей
Игрой порадуют друзей.

Спасибо им — их матерям,
Спасибо нашим дочерям,
За праздник, даренный Апсны
В дни возрождения страны.

Друзья мои! Пусть знают все,
На богом созданной земле,
Что Родина — Апсны живет,
И из руин войны встает,

И что красавцы-сыновья
Сложили головы не зря.

Что с каждым часом, днем и годом
Апсны, что вырвала свободу,
Будет букетом расцветать,
Любовью мир весь покорять.

И будут знать все на планете,
На этом райском, божьем свете,
Что уголок на свете есть,
Где правят аламыс и честь!

12 мая 1994 г.
г. Сухум

МОИ ЖЕ СЛЕЗЫ ОТ СТЫДА

Как мрамор, будто не живой,
К земле поникшей головой,
Застывший, с белой бородой,
Сидел он в черном, весь седой.

А в парке Славы боевой
Безлюдно было на рассвете.
Пришел сюда он к своим детям,
К могилам, что в земле сырой.

Он весь был в думках, будто в грезах,
А на глазах стояли слезы,
Пробормотал он что-то детям,
И в этот миг он нас заметил.

Вдруг спохватившись, он привстал,
Рукой с лица слезу смахнув,
И тихо, тягостно вздохнув,
Нас поприветствовав, сказал:

— Не думайте, что слезы эти
Из-за того, что наши дети

Сложили головы свои
За нашу родину Апсны.

Они герои и живы
Для нашей родины Апсны.
Поверьте слову старика,
Что будут жить они века.

Мои же слезы от стыда
Пред сыновьями. Никогда
Себе представить я б не смог,
Тому свидетель сверху Бог,
Что вдруг найдется здесь абхаз,
Забывший Родины наказ,
Откинув аламыс, с ружьем
Ради наживы, грабит дом.

Уверен я, наверняка,
Страшней он внешнего врага,
Позор он — павшим сыновьям,
Позор — отцам и матерям.

Конечно, я уверен в том,
Что эту дрянь мы уберем,
К своим традициям придем,
И расцветет наш общий дом.

...А вы — абхазы, извините,
За слезы боли и обиды,
Что слез сдержать я не сумел,
Я, видно, сильно постарел...

27 июня 1994 года
г. Сухум

РОДНОЙ СУХУМ!

(Ко Дню памяти защитников Отечества)

Родной Сухум! Как ты устал...
Что варвары с тобой свершили...

Тебя сжигали и бомбили,
И все ж ты выжил, устоял!

Полуживой, ты не стонал,
Ты — год горел, терпел и ждал.
Ты знал: — Твои сыны придут,
И всех врагов Аpsны сметут.

Они придут, залечат раны,
Вольют в тебя родную кровь,
И будут знать другие страны.
Что ты воспрял из пепла вновь.

Сыны пришли, изгнав вандалов,
Ты оживать тихонько стал,
Теперь «сорняк» убрать осталось,
Чтоб, как бриллиант, ты заблистал.

Ты расцветешь, тому порука,
Любовь твоих же сыновей,
Ты станешь краше и светлей,
Чем был ты даже до разлуки.

Уверен в том, сомнений нет,
Успею даже я — старик,
Застать твой взлет и твой расцвет,
Ведь ты, воистину велик!

14 августа 1994 года,
г. Сухум

ПОСТЫДНО МИР НАМ ПРОИГРАТЬ (Ко Дню годовщины окончания войны)

В Аpsны ликует весь народ!
Исполнился сегодня год,
Как нашей Родины сыны
Изгнали варваров с Аpsны.

Сегодня празднично в столице,
У всех теплом светятся лица,
А братья со всего Кавказа
В гостях у Родины абхазов.

А к парку Славы боевой
Народ с утра придти стремится,
Героям павшим поклониться,
Спешат и стар и молодой.

Повсюду встречи, поминанья,
Времен войны воспоминанья,
Хлеб-соль, концерты и объятья,
Рукопожатья горцев-братьев.

Сегодня мы, конечно, рады,
За все правительства награды,
Что ордена «Герой Апсны»
Достойным были вручены.

В нашей израненной столице
Ликует с нами даже птицы,
Пройдя сквозь смерть, лишенья, беды,
Гремит повсюду гимн Победы!

...Отлично все!.. А что ж осталось?
На взгляд, кажись «осталось — малость»,
Необходимо нам понять,
Что всем нам рано засыпать.

За год, забыв об общих бедах,
И как досталась нам Победа,
Занялся каждый лишь собой,
Собой и собственной семьей.

Страну же нашу сотрясают,
Победу нашу добивают,

Убийства, кражи, бандитизм,
И бесконечность катаклизм.

Уверен, всяк хотел бы знать:

— Кто ж будет город очищать?

Кто ж будет строить и пахать,

Изобретать и созидать?

Ответ один: лишь только мы,

Все население страны,

Должны порядок навести

И сообща страну спасти.

Откинув собственное «Я»,

Трудиться, как одна семья,

И каждый в том, где он силен,

Себя отдать обязан он.

Тогда добьемся мы расцвета,

И на века придет Победа,

Тогда признают сыновья,

Что прожили мы жизнь не зря.

...Да! Мы ликуем, все прекрасно.

Но нам одно должно быть ясно:

— Коль мы умели воевать,

Постыдно мир нам проиграть.

30 сентября 1994 г.

г. Сухум

АБХАЗ

Прежде, чем смело вслух сказать,

Что «Я — абхаз», ты должен знать

Законы, правила абхазов,

Известные на всем Кавказе.

В семье абхаза — деды чтимы,

Мать — бог, отец — авторитет,

А дети — скромны и любимы,
Очаг семьи — жены портрет.

Абхаз приветствовать не в силах,
Не подняв со скамейки зад,
Встает мгновенно, инстинктивно,
Давая знать, что встрече рад.

Абхаз всегда со дня рожденья
Питает к старшим уваженье,
Советы их и поученья
Он слушает без возраженья.

Абхаз безмерно гостю рад,
Гость в доме выше всех наград,
И даже кровного врага
Не тронет в рамках очага.

А если кто-то вдруг попытлся
Ограбить дом, честь осквернить,
Родным селом он изгонялся,
И всеми был на век забыт.

Абхазу издревле претили
Обман, и хамство, и грабеж,
А старцы мудростью учили
Взрослеющую молодежь.

Он горд и честен, смел и скромен,
В речах своих он малословен,
Поступками докажет он,
Что он мужчиною рожден.

А если в этом ты не тянешь,
Хоть князем будь, хоть будь герой,
Абхазом никогда не станешь,
Так помолчи и скромно стой.

30 ноября 1995 г.
г. Сухум

АЛЕКСАНДРУ СЕДОВУ

(К 70-летию)

Ты лидер был в абхазском баскетболе,
Биллиарде, волейболе и футболе,
Полсотни лет — ведущий тренер,
На совесть — жизнью ты проверен.

Благодаря таланту, воле,
Пройдя сквозь адский труд и беды,
Родоначальник в баскетболе,
К ногам Аpsны ты клал победы!

Хотя неоценен достойно,
И зачастую сердцу больно,
Однако нам в конце пути
Нельзя с дистанции сойти.

Так будь здоров! Не унывай.
Ведь не для Славы ты служил.
А подвиг твой, ты твердо знай,
Никто из близких не забыл!

14 сентября 1996 г.
г. Сухум

ГРЕМЯТ ФАНФАРЫ

(К 3-й годовщине Победы)

Сегодня Родина моя,
Цветами радуги горя,
Поет, гремит и веселится,
Желая радостью напиться.

Три года быстро промелькнули,
С тех пор, как рыцари вернули
Свободу Родине своей,
Ценою лучших сыновей.

Три года много или мало,
Чтоб легче жить в Апсны всем стало?
Три года в праздной спячке ходим,
В бездельи всех мы превосходим.

Мы мастера на оправданья:
Блокада? Да! — враг созиданью.
Разруха, мародерство — Да!
Но нет Победы без труда.

Всем, кто теперь остался жить,
Пора бы совесть разбудить,
Пора за мирный труд всем взяться,
И в том пред павшими поклясться.

Чтоб подходя к могилам павших,
Отчизне жизнь свою отдавших,
Пред молодыми и седыми,
Нам стыдно не было б пред ними.

...Гремят фанфары все сильнее
В честь Мира на земле Апсны!
Пусть будет Мир, мои сыны,
Для вас и ваших сыновей!

И в день победного трехлетия,
Желаю внукам, сыновьям,
И правнукам, и дочерям,
Отпраздновать ее столетье!

30 сентября 1996 г.
г. Сухум

М А Т Ь

Свое дыханье затая,
Со мною рядышком сидит,
Украдкой на меня глядит
Старушка древняя моя.

И несмотря, что двадцать лет
Прошло с тех пор, как сын стал дед,
Он молод для нее всегда,
И не стареет никогда.

С ним связаны ее надежды,
Все помыслы о нем, как прежде,
Усталый взгляд теплом лучится,
И на сынка не наглядится.

Она с него не сводит глаз,
Ей кажется: в нем все прекрасно!
Одно здесь абсолютно ясно:
Она лишь им живет сейчас.

О, матери! Незаменимы
Вы все, когда нам много лет!
Совсем по-новому любимы,
И вас прекрасней в мире нет!

8 марта 1997 г.
г. Сухум

СПАСИБО ВАМ! СПАСИБО БОГУ!
(К моему 65-летию)

Мои товарищи, друзья!
Пред вами жизнь прошла моя,
Но все же хочется раскрыться,
И тайной сердца поделиться.

Все было в жизни у меня:
В родном Сухуме вырос я,
Здесь я мужал, играл, влюблялся,
Кутил, немало ошибался.

Здесь не щадя здоровья, сил,
Команды Родине растил.

Сюда победы приносил,
И этим в жизни счастлив был.
Здесь предки влили в кровь мою
Понятья аламыс и честь,
Здесь и сегодня я в строю,
И новые плеяды есть.

...Когда немного до заката,
Все в жизни кажется ценней:
Приветствие сухумца-брата,
Любовь, внимание друзей.

Спасибо вам! Спасибо Богу,
Что дал он вместе с вами жить,
В Апсны моей стать педагогом,
И ей одной всегда служить!

17 июня 1997 г.

г. Сухум

АНДРОНИК, ПЕРЕСЧИТАЙ!

На набережной, которая ныне носит имя Махаджиров, у устья речушки Сухумки, в сквере напротив бывшего обкома партии, в те давние уже годы располагалась закусочная, обращенная своей верандой к морю. Несколько чистеньких столиков, осененных кустами цветов, делали эту общепитовскую точку особенно привлекательной. Здесь приятно было посидеть за кружкой пива, отведать вкусно приготовленную закуску.

Наше послевоенное поколение баскетболистов в те годы тренировалось на новом, отличном баскетбольном стадионе, что отстроили позади обкома партии.

Нередко, после тренировок под вечер мы заглядывали в закусочную — побаловаться пивом, отдохнуть, обменяться спортивными новостями и планами.

Эта закусочная, собственно говоря, запомнилась прежде всего буфетчиком — тучным Андроником.

Он хорошо знал каждого из завсегдатаев. Когда мы приближались к его заведению, он уже метров за 20—30 давал опознавательный знак. Взмах рукой к себе означал: — «Заходите, пиво свежее, отменное». Отмашка от себя предупреждала, что пиво несвежее или разбавленное водой.

Однажды после товарищеского матча с сочинцами мы с их тренерами зашли к Андронику. Он накрыл отличный стол и мы тепло провели вечер. Наступило время расплачиваться. Спрашиваем: «Сколько?» Андроник, не колеблясь, называет — 50 рублей.

Один из наших тренеров говорит ему: «Андроник, пересчитай».

Буфетчик невозмутимо пересчитывает и называет 30 рублей. Тогда другой тренер говорит: «Пересчитай еще раз».

Андроник вновь пересчитывает и заявляет: «Хорошо, ребята. С вас 25 рублей».

Наш тренер дает ему 20 рублей и объясняет: «Ты, ведь, всегда называешь цифры округленно. Так, что двадцатка как раз уместна».

Андроник без всякой обиды берет деньги и, потряхивая кушорами, говорит: «Э, куда вы денетесь, ребята? Все равно вы снова придете ко мне, и в следующий раз я обязательно вас обсчитаю или вы сами подогреете меня». Так он говорил и лучащимся взглядом провожал нас с гостями.

А ведь и прав был Андроник. Мы вновь и вновь приходили сюда. То ли место было уж больно уютным, то ли буфетчик обаятельным. Наверное, и то, и другое. И третье — непередаваемый аромат традиционного сухумского уголка.

Январь 1996 год.

ПО-РОДСТВЕННОМУ

Быль это или легенда — не берусь судить. Однако, событие, о котором пойдет речь, известно в широких кругах. Причем, известно очень давно. И связано оно с такой легендарной личностью, каким был Нестор Аполлонович Лакоба.

Свидетели рассказывают, что он был очень общительным человеком. Несмотря на тревожное время и занимаемый вы-

сокий пост, ежедневно принимал, независимо от занятости, десятки ходоков из городов и сел Абхазии. Ходоки собирались у его дома, где дожидались своего любимца, которому верили и с которым делились и своими печальями, и своими радостями. Нестор принимал и внимательно выслушивал всех. Особенно он любил мудрых стариков, беседы с которыми ему доставляли огромное удовольствие. Он был справедлив, чуток и очень добр, старался не оставлять без внимания ни одного посетителя, хотя не всегда одобрял и разделял обращенные к нему просьбы, жалобы, требования.

Однажды среди посетителей, ожидавших встречи с ним, он увидел одного из своих близких родственников по имени Караман. Нестор Аполлонович пригласил его в дом вместе с остальными и, выслушав посетителей, в последнюю очередь обратился к нему с вопросом, что его беспокоило. Сбивчиво, заикаясь от волнения, Караман объяснил Нестору, что пришел по вопросу трудоустройства в городе, не забыв при этом подчеркнуть свои с ним родственные связи.

— Караман! А ты не подскажешь мне, где бы ты хотел работать? — спросил Нестор.

— Тебе виднее. Куда направишь — туда и пойду. Думаю, на плохую работу ты меня не пошлешь! — ответил родственник.

Нестор улыбнулся, затем дал знак Сарии накрывать на стол. Вскоре на столе появились ачандарское вино и закуски. Нестор принимал родственника со всеми подобающими почестями. Когда трапеза была закончена, хозяин, провожая его в спальню, приготовленную для Карамана, сказал:

— Знаешь, Караман, сложную задачу задал ты мне. Было бы легче, если бы ты подсказал, где бы тебе хотелось работать. Раз ты уже приехал из деревни, то советую не спешить. Завтра походи по городу, осмотришься, поговори с людьми — может быть и выберешь что-либо. Тогда и решим.

На следующий день Караман, воспользовавшись советом Нестора, рано поутру двинулся в город. Он обошел аптеки, заглянул в несколько контор, поговорил со встретившимися ему односельчанами и уже к вечеру оказался на берегу моря у устья Баслы. Здесь, на пяточке, играл духовой оркестр. Он подошел ближе и стал наблюдать за музыкантами. Собравшаяся публика встречала исполнителей дружными аплодисментами. И ему показалось, что эти аплодисменты адресованы одному человеку — тому, который стоял впереди и махал палочками.

— А кто этот человек? — спросил он соседа.

— Это дирижер, — ответил тот.

— А сколько он получает? — спросил Караман. Сосед назвал весьма внушительную цифру для тех времен.

— Вот то, что мне нужно! Легко и денежно! — подумал Караман.

Вечером он объявил Нестору о своем выборе, при этом так и не сумев назвать ни должность, ни профессию.

— Понимаешь, Нестор, это тот, кто машет палочками перед музыкантами, а получает больше всех, — пояснил Караман.

Едва сдерживая улыбку, Нестор подошел к телефону и, набрав какой-то номер, отдал распоряжение принять Карамана дирижером, добавив при этом, что более подробно они обговаривают завтра.

На следующий день Караман был выряжен, снабжен палочками и предстал перед оркестром и публикой. Он смотрел на оркестр, не совсем понимая, почему тот молчит. И вдруг палочки в его руках зашевелились, словно какая-то неведомая сила управляла ими и его руками. Его движения были не скоординированными и до смешного неловкими. Застучал барабан, прогремели бас и контрабас, запиликала скрипка. Зрители раздраженно заволновались.

— Клоун! Смотрите, клоун дирижирует! — воскликнул кто-то из толпы.

Затем до ушей Карама долетел громкий возглас:

— Это же, кажется, Караман!

Караман не помнил, как унес ноги. Стыд и позор гнали его все дальше и дальше от места его позора.

Он вернулся в свою деревню, к своей земле, к своей профессии, в которой с давних пор трудно было найти ему равных.

Больше к Нестору он не приходил. Стыдился.

3 сентября 1996 г.

ЮМОР СУХУМЦЕВ

1.

Как-то много лет назад у нашего друга-одноклассника, занимавшего большую спортивную должность, скончалась мать.

Как всегда в таких случаях, друзья слетелись к нему домой и распределили обязанности на время похорон.

Мне и моему другу было поручено обеспечить похороны аппаратурой и траурной музыкой.

За аппаратурой, которую мы брали в Доме культуры, у центрального пляжа, нас вез на «Жигулях» сосед наш Отари. Всю дорогу туда и обратно он нам рассказывал о нашем друге и их совместных похождениях.

В конце поездки я, не выдержав, спросил:

— Отари! Всю свою жизнь мы с этим человеком прошагали вместе, но тебя никогда не видели. Когда же ты с ним общался?

Он возмущенно ответил:

— Когда еще в детстве на нашей улице мы вместе коров пасли...

С заднего сидения машины тихо прервал его голос моего друга:

— Напрасно бросили.

Больше Отари никогда не вспоминал об их совместных похождениях.

2.

Однажды в застольной компании друзей-сухумцев один из них — большой эстрадный музыкант, композитор и пианист, поднимая тост за нашего друга, занимавшего солидную государственную должность, сказал:

— Я пью за нашего умного, эрудированного и грамотного человека!

— Я пью за порядочного и честного в работе руководителя!

Его прервал голос из-за стола:

— Робик-джян! За двух одним стаканом не пей!

3.

Утром в кофейне «У Акопа» за чашкой кофе завсегдатаи заведения разговорились о животных. Один рассказал о своей умной охотничьей собаке, другой говорил о немецкой овчарке и ее преданности, третий — о своем ястребе, которого он берет на охоту на перелеток. А четвертый, улыбнувшись, сказал:

- А я купил и держу в доме ворона!
— А зачем тебе ворон? — спросили его.
— Я не верю, что ворон живет 300 лет! Хочу сам проверить!

4.

Однажды собрались друзья на день рождение своего друга. Каждый принес ему свой подарок. В разгаре «хлеб-соли» в дверях раздался звонок. Новорожденный открывает дверь, а в дверях еще один запоздавший друг с хреном в левой руке. Никому не дав вставить слово, он, протягивая хрен новорожденному, сказал:

— Поздравляю! А это, чтобы не говорили, что я тебе ни хрена не принес!

16 декабря 1996 г.
г. Сухум

УТРО СТАРОГО СУХУМЦА

Сухумский ноябрь. Ночь спал плохо. Воспоминания о прошедшей войне и погибших ребятах терпят и ночью наши души.

Встал, умылся и к семи часам, перед началом рассвета, я уже сидел на лавочке, под огромным и древним эвкалиптом на набережной Махаджиров, впереди стен сгоревшей гостиницы «Абхазия».

Слева в кофейне «У Акопа» зажегся свет. Видимо, пришел Акоп, включил электрическую печку, чтобы нагреть на ней песок, на котором затем в джазвях готовится кофе по-восточному и ждет ранних посетителей-кофелюбов.

Ноябрьское солнышко осторожно, неспеша, поднималось из за морского горизонта, медленно освещая безоблачную голубизну небосвода. В этой тишине был еле слышен шелот прибоя. А из кипарисов, камфор, олеандр, пальм и эвкалиптов начиналась веселая, утренняя перекличка воробьев, дроздов и других певчих пернатых.

Солнышко постепенно, ласково, с уважительной осторож-

ностью, коснулось своим бархатным теплом, а затем бережно стало зализывать раны белых зданий родного Сухума.

Вдоль перил малого причала в ряд один к одному задумчиво сидели чайки и, вспоминая ужасы прошедшей войны, принимали первые бархатные лучи восходящего солнца.

Мне показалось, что я нахожусь в раю и по всему моему телу пробежала приятная, теплая дрожь.

«Вот почему испокон веков различные орды и полчища зарились на даренный Богом абхазам божественный, райский уголок, пытались завоевать эту землю, поработив его свободолюбивый народ», — подумал я.

Сама природа этого города делала и его аборигенов такими же чистыми, светлыми, излучающими добро своей открытостью и гостеприимством. По воле божьей эти люди отличались мудростью, уравновешенностью, чувством уважения к человеку, собственным достоинством и огромным уважением к старшим. Этот гордый народ во все времена с большим вниманием, состраданием, доброжелательностью и тактом принимал страждущих пришельцев, давал им приют, выделял им земли рядом с собой, помогал им в строительстве их очагов и в результате принимал их в свою божественную семью под названием «Апсны».

Однако, позже кто-то из пришельцев подумал и уверовал, что «наглость — второе счастье» и вначале втихомолку, а затем в открытую, набирая темп, стал называть себя хозяевами этой земли, а аборигенов-абхазов — пришельцами. Это время с нарастанием длилось без малого почти весь двадцатый век. А четыре года тому назад пришельцы рискнули решить этот вопрос силовым путем. И они с помощью собратьев, вооруженные до зубов, вероломно вторглись на землю Апсны.

Однако, богу не было угодно равнодушно наблюдать за этой несправедливостью и он выдал Победу малому, но гордому, свободолюбивому абхазскому народу — истинным аборигенам Апсны.

Тяжело досталась победа народу Абхазии. Она досталась ценой больших разрушений и гибели лучших сынов и дочерей золотого фонда райского уголка. В результате пришельцы бежали без оглядки, разрушая все на своем пути.

...Наступил рассвет. Улицы родного города подметались, убирались, уставшими и постаревшими от тягостей прошедшей войны, последующей трехлетней блокады, трудолюбивыми су-

хумцами, влюбленными в свой город. Несмотря на свои глубокие, боевые раны, город тепло радовал наступающее утро чистотой, опрятностью и уютом.

«Да! Еще многое из того, что мы прошли, мы недооцениваем, недопонимаем и многим из этого не дорожим», — подумал я, встал и двинулся к парку боевой Славы, где захоронены лучшие сыны города и Абхазии.

В парке воробьи и дрозды продолжали свой утренний обмен новостями.

Мне стало тяжело, вглядываясь в обелиски и могилы наших ребят и припоминая, что кое-кто из аборигенов и сегодня своими поступками оскверняют их память.

Но в какой-то момент мне показалось, что воробьи и дрозды устами Бога стали нашептывать в мои уши:

— Не унывай, старец! Недолго Родине придется ждать становления новой поросли, достойной погибших. И Бог поможет им в этом. Бог напомним им, что своим поведением и поступками они должны будут еще более приукрасить божественную красоту их израненной Родины. А Родину, тем более свою и даренную им Богом, он дважды не распределяет!

— Так пусть исполнятся слова Бога! — прошептал я сам себе и уверенной походкой двинулся в спортшколу продолжать учить новую, послевоенную, девичью поросль прекрасному виду спорта — баскетболу!

7 ноября 1996 г.

г. Сухум

СОДЕРЖАНИЕ

МЫСЛИ ВСЛУХ

Карьеристу	3
«Знатоки»	3
Баран средь зайцев	5
Но если б вновь пришлось начать	7
«Один знакомый педагог...»	9
«Однажды сильный, модный кот...»	10
Любвеобильная натура	10
С годами скажут — видел сон	10
Мужская красота	12
Бывает грустно	13
Сходство	14
Любовь и рассудок	15
О, женщина	16
Кто он?	18
Совет	19
Вновь в рабстве	20
И если б мог Крылов проснуться	21
За тех его я поднимаю	22
Тогда б сказал	23
О том подумать бы и ей	23
Тогда скажу, что добр тот малый	25
Их оценить — цены не знаю	26
Я счастлив	27
Отец, спасибо	29
Я смог бы женщиной назвать	30
Каким я друга представляю	32

Без всякой мудрости лукавой	34
Ты сей добро, согрей теплом	35
На смерть друга	36
Уверен я, мои друзья	37
Спасибо Богу и жене	39
Дружеские шаржи на моих друзей	39
Спасибо вам	41
Со мной Абхазия моя	41
Дай силы мне	42
«Повернись и взгляни...»	43
«Однажды он на свет родился...»	43

Крик души

Пускай земля им будет пухом!	44
Абхаз — есть аламыс и честь!	45
Всевышнего благодарю!	46
Мои же слезы от стыда	47
Родной Сухум!	48
Постыдно мир нам проиграть	49
Абхаз	51
Александру Седову	53
Гремят фанфары	53
Мать	54
Спасибо вам! Спасибо Богу!	55
Андроник, пересчитай	56
По-родственному	57
Юмор сухумцев	59
Утро старого сухумца	61

Владимир Александрович ХАШБА

МЫСЛИ ВСЛУХ

(Сборник стихов)

Технический редактор Евменов Л. И.

Формат 84x108_{1/32}. Тираж. 500.
Физ. печ. л. 2. Усл. печ. л. 3,36.
Учетно-изд. л. 3,03. Цена договорная.

Издательско-полиграфическое объединение
Республики Абхазия, г. Сухум, Эшба, 168.